

Гюстав Эмар

СОКРОВИЩЕ
КАРТАХЕНЫ

БЕРЕГОВОЕ БРАТСТВО

МОРСКИЕ ТИТАНЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Э 54

Gustave Aimard
OURSON TÊTE DE FER
LE FORESTIER
LES TITANS DE LA MER

Перевод с французского

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрации Е. Гийо, Д. Вержа
и других французских художников

Составитель Александр Лютиков

ISBN 978-5-389-31351-4

© Издание на русском языке, состав,
оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

СОКРОВИЩЕ КАРТАХЕНЫ

ВСТУПЛЕНИЕ,

*в котором автор сообщает читателю,
как неожиданно-негаданно оказался рассказчиком*

Во время моего последнего путешествия в Америку, которое, скажу, не указывая даты, относится не к такому уж давнему прошлому, как полагают — или делают вид, что полагают, — многие из моих добрых друзей литераторов, судно, на котором я отплыл из Гавра, попало в бушевавшую у Малых Антильских островов непогоду. Пользуясь попутным ветром, капитан направил его к острову Сент-Кристофер, чтобы укрыться в гавани и заделать серьезную течь, грозившую потоплением, несмотря на все усилия команды откачать воду.

В одном из моих романов, посвященных истории Береговых братьев, я уже рассказывал об острове Сент-Кристофер — колыбели флибустьерства, из которой вышли великие отверженные XVII века, чтобы, подобно стае хищников, напасть на острова Санто-Доминго и Тортугу, иначе называемый Черепашьим островом.

Остров Сент-Кристофер, на языке карибов зовущийся Лимнига, ныне входит в состав группы Малых Антильских, или Подветренных, островов, ныне принадлежащих Англии. Сент-Кристофер расположен в двадцати милях к северо-востоку от острова Антигуа и двадцати восемью милями от Гваделупы, совсем рядом с островом Невис, на 18° северной широты и 63° восточной долготы. Этот небольшой, около шести миль в длину, остров, подобно большей части Антильских островов, имеет вулканическое происхождение. Большую его часть составляют горы, а самая высокая точка пересекающего остров горного кряжа — гора Мизери — не что иное, как потухший вулкан высотой в три тысячи пятьсот футов.

Ныне этот густонаселенный остров процветает. Жители его ведут обширную торговлю ромом, сахаром, кофе, хлопком и прочими колониальными товарами.

В XVIII веке остров Сент-Кристофер называли еще и Кротким островом, памятуя об учтивости первых французов, поселившихся здесь. Поговорка, некогда очень распространенная на Антильских островах, гласила: «На Сент-Кристофере живут дворяне, на Гваделупе — мещане, на Мартинике — солдаты, на Гренаде — чернь».

Бедствия и невзгоды преследовали жителей Сент-Кристофера в течение целого столетия. Когда по Версальскому договору остров окончательно перешел под власть англичан, несколько французских семейств продолжали жить на нем, пользуясь заслуженной славой благодаря своему благородству и высокому складу ума. Люди эти были коренными сенткростоферцами, поскольку вели свое происхождение от первых колонистов, обосновавшихся на острове. Однако в душе они остались верны своему отечеству, считая себя здесь чужеземцами и в качестве власти признавая только французского консула в Бастере, главном городе Сент-Кристофера.

Наше судно бросило якорь у Песчаного мыса. Капитан предупредил меня, что мы простоим тут довольно долго — по крайней мере недели три.

Поначалу я был раздосадован этим известием. Но частые путешествия приучили меня, благодарение Богу, философски относиться к неприятным неожиданностям: я быстро примирился с новыми обстоятельствами и стал раздумывать, как провести предстоящие три недели с наибольшей для себя пользой.

Признаться, задача оказалась не из легких. У себя на родине англичане живут довольно замкнуто и не славятся особой вежливостью по отношению к чужестранцам. В колониях же своих они и вовсе отгорожены стеной высокомерия. По правде говоря, я никогда не испытывал особой симпатии к этим себялюбивым островитянам, чопорно-холодным и надменным. Они прямо-таки излучают презрение к приезжим, а французов, как ни крути, просто ненавидят. Хотя надо признать, что и те в долгу не остаются, в особенности в Азии, Африке и Америке — там, где англичане, эти карфагеняне новейших времен, открывают свои торговые конторы.

Собственно, мне и в голову не пришло заявиться к местным властям или представиться какому-нибудь английскому семейству. Чай расслабляет мои нервы, а от британского высокомерия меня коробит.

Перерыв свои бумаги, я наконец отыскал рекомендательное письмо, данное мне на всякий случай накануне отъезда из Парижа приятелем, креолом с Гваделупы, на то время редактором одной из влиятельных политических газет.

— Как знать... — сказал он, вручая мне письмо. — Случаются обстоятельства, предвидеть которые невозможно. Не исключено, что скитания по белу свету занесут вас на остров Сент-Кристофер. Ваша англофобия мне известна, и я черкнул пару строк своему родственнику, живущему, кажется, в окрестностях Бастера, но где именно — не знаю. Нам ни разу не пришлось встретиться лично, так как я не бывал на Сент-Кристофере, а он во Франции. Но вас не должно смущать это обстоятельство. Вы можете смело явиться с моим письмом, и будьте уверены, вам окажут самый радушный прием.

Письмо моего приятеля-креола я положил вместе с другими на дно чемодана и забыл о нем. Известие о трехнедельной стоянке заставило меня вспомнить о позабытом было рекомендательном письме, и я почувствовал искреннюю радость, наконец отыскав его под кипой бумаг. Послание было адресовано графу Анри де Шатограну, сент-кристоферскому землевладельцу. Сей драгоценный талисман я положил в бумажник, отправляясь на берег.

Первое, что я сделал по высадке, — нанял проводника с лошастью, что обошлось мне в два ливра: довольно высокая цена за едва ли двухчасовое путешествие. Мы направились к Бастеру, куда и прибыли в три часа пополудни.

За время пути я не перекинулся ни одним словом со своим проводником, чем, видимо, внушил ему высокое мнение о своей особе. Я довольствовался созерцанием природы. Гористая местность, по которой мы ехали, была необычайно живописна.

Надо отдать должное англичанам: где бы они ни поселились, местность тотчас обретает отпечаток, свойственный всем их владениям. Они приносят с собой жизнь, движение и ту лихорадочную деятельность, которая составляют тайну их коммерческого преуспеяния. Даже в Европе мне редко доводилось видеть поля,

возделанные лучше, дороги, поддерживаемые тщательнее, и дома — прелестнее английских.

Картина, представшая моим глазам, приводила меня в восторг. Крошечный островок, затерявшийся в бескрайнем Атлантическом океане, дышал довольством и благоденствием. Я почти стыдился в душе за нас, французов, неучей в деле колонизации. Бездарная палочная система, так глубоко и вместе с тем так порочно укоренившаяся в колониях, способствовала тому, что любовью, даже самый плодородный и густонаселенный, край после нескольких лет нашего владения превращался в широко раскинувшуюся бесплодную пустыню.

При въезде в Бастер проводник почтительно поинтересовался, не желаю ли я остановиться в гостинице «Виктория». Во всех английских колониях есть гостиницы с названиями «Виктория» и «Альбион». Я попросил проводить меня прямо к дому французского консула. Это был уютный особняк, расположенный между двором и садом, на самой набережной.

Радостно дрогнуло мое сердце при виде широко развеваемого порывистым морским ветром милого нам трехцветного флага. За границей я — шовен¹ и, сознаюсь со всем смирением, вполне разделяю мнение храброго генерала Лаллемана, который говорил, что каждый француз на чужеземной почве должен быть достойным представителем Франции и заставлять уважать ее одним своим видом.

Звание вице-консула на Сент-Кристофере — приятнейшая на свете должность, не хлопотная и с приличным окладом. В гавань не заходит и трех французских кораблей в год. При таком положении дел вице-консулу Франции пришлось бы, подобно генеральному консулу короля Сиамского в Париже, сидеть с утра до вечера сложа руки. Но он, человек в высшей степени образованный, фанатик-естествоиспытатель, — сумел придумать себе занятия, не оставляющие и минуты свободного времени.

Господину Дюкрею — под этим псевдонимом я скрою настоящее имя чудесного человека, которому обязан тем, что не умер от сплина на Сент-Кристофере, — было около сорока пяти лет. Высокого роста, изящно сложенный, он отличался изысканным

¹ Никола Шовен — полумифический персонаж, пафосно выражавший любовь к Франции. Отсюда: шовинизм.

обращением. Его открытое умное лицо излучало невыразимую симпатию к окружающим. Господин Дюкрей принадлежал к одному из тех французских семейств, о которых я уже сказал выше, и пользовался большим уважением даже у английских властей.

Вице-консул принял меня радушно, тотчас велел отослать проводника с лошадьёю и объявил, что я принадлежу ему на все время моего пребывания на Сент-Кристофере. Чернокожий слуга взял мой чемодан, а господин Дюкрей провел меня в уютную комнатку, окна которой смотрели на гавань.

— Чувствуйте себя как дома, — сказал, улыбаясь, хозяин, — комната в вашем распоряжении на все время пребывания здесь.

Я начал было протестовать, сказав, что вторжение чужого человека в дом сопряжено для его обитателей с неудобствами и что если оно и не в тягость, то в любом случае стесняет хозяев.

— Во-первых, вы не чужой, — возразил господин Дюкрей, — вы соотечественник, а следовательно, друг. Во-вторых, вы вольны уходить, приходить, делать что угодно. И наконец, я живу сейчас холостяком: жена и дочь гостят у близких родственников на Антигуа и вернутся не раньше чем через два месяца. Так что вы не только не стесните меня, но, напротив, окажете истинную услугу, если примете мое гостеприимство.

Возразить на это мне было нечего, я пожал господину Дюкрею руку, и вопрос был решен. Он оставил меня приводить в порядок мой костюм, и спустя некоторое время я снова присоединился к нему. О прибытии судна Дюкрея известили с утра. Он ждал капитана к обеду.

Я пожалел, что, спеша оказаться на берегу, не предупредил капитана о своих действиях, но сделанного вернуть было нельзя.

— Забыл сказать вам, — с улыбкой обратился ко мне хозяин, — у нас в доме звонят четыре раза в день: к завтраку, обеду, полднику и ужину, который накрывают в восемь часов.

Это сообщение рассмешило меня.

— Стало быть, вы целый день едите?

— Почти, — отвечал также со смехом хозяин. — Мы заимствовали этот обычай у англичан. Вам, без сомнения, известно, что они много едят и особенно пьют. Однако не пугайтесь: у меня в доме едят и пьют, только когда голодны или испытывают жажду. Итак, вы предупреждены... Впрочем, после звонка нико-

го не ждут, а садятся за стол. Так что у вас не будет ни малейшего повода чувствовать себя стесненным. Как хотите, мой дорогой, а я решительно и безвозвратно завладел вами в свою пользу. А как прикажете иначе? Часто ли заглядывают французы в этот дальний уголок? Так как же выпустить из рук того, кто случайно залетел в наши края? Не желаете ли взглянуть на мои коллекции? Они довольно хороши и содержат много любопытнейших экспонатов.

Я тотчас последовал за ним.

Дюкрей скромно именовал «своими коллекциями» настоящий музей, занимавший в его доме пять больших комнат. С исключительным терпением и тщанием он собирал образцы богатой флоры Антильских островов, как Больших, так и Малых. Фауна также была представлена многочисленными экспонатами млекопитающих и насекомых. Далее шли минералы всякого рода и свойства, карибские древности, бог весть где отысканные... И все здесь было с пониманием дела расставлено, тщательно классифицировано и снабжено ярлыками. Несомненно, такой коллекции могли бы позавидовать директора парижских музеев.

Гумбольдт, д'Орбиньи и еще двое-трое знаменитейших ученых посетили экспозицию, или собрание — как будет угодно читателю называть коллекцию Дюкрея, — и остались пораженными увиденным.

Что касается меня, то никогда в жизни не доводилось мне видеть ничего более необычного и занимательного.

Три часа пролетели как миг за созерцанием чудес, на которые невозможно было налюбоваться вдоволь. Я мог бы рассматривать сокровища Дюкрея до вечера, если бы черный слуга не пришел доложить о прибытии капитана Дюмона.

Капитан ожидал вице-консула в гостиной и был крайне удивлен моим появлением, так как пребывал в полной уверенности, что я нахожусь на судне. Впрочем, вскоре все объяснилось. Через пять минут мы уже сидели за столом.

Сперва речь шла о Франции и событиях, произошедших в ней за последние месяцы. Капитан привез для вице-консула целую кипу газет: Дюкрей, не имея понятия о положении дел в Европе, был рад возможности ознакомиться с политическими новостями своего отечества. Потом приступили к обсуждению

условий займа, в котором нуждался капитан для починки своего судна, и когда условия эти были оговорены, разговор свернул на другие темы и естественным образом коснулся острова Сент-Кристофер.

Тут уж вице-консул был в своей стихии и с милой снисходительностью знакомил нас с правами креолов, живших на острове, и с немногими доступными приезжим удовольствиями и местными развлечениями, весьма, впрочем, скромными.

— Здесь проживают несколько французских семейств, — заметил капитан. — Они богаты и пользуются уважением английских властей.

— Это так. Хотя у них с англичанами нет ничего общего и контакты между ними весьма редки, — отвечал Дюкрей. — Все эти семейства остались верны своему отечеству: ни уговоры, ни лесть не смогли заставить их принять английское подданство. Они упорно остаются французами. Дети их по большей части воспитываются во Франции и служат там или в армии, или на дипломатическом поприще, или в судах. Заплатив отечеству свой долг, эти воины, судьи или дипломаты возвращаются сюда доживать дни в мире и спокойствии.

— Это же прекрасно! — вскричал я в восторге.

— В этом нет ничего особенного, — добродушно заметил Дюкрей. — Обыватели не обязаны подчиняться политике. То же явление вы встретите почти во всех прежних французских владениях. Но я должен сознаться, что предрассудки, а именно так англичане называют нашу любовь к отечеству, здесь распространены сильнее, чем где бы то ни было.

— Чему вы приписываете это? — осведомился я с любопытством.

— Остров Сент-Кристофер с самого начала принадлежал одновременно и французам, и англичанам. По странному стечению обстоятельств, как только французские авантюристы высаживались на одном берегу, англичане тут же ступали на противоположный. Эти искатели приключений сперва жили в полном согласии. Потом французы вытеснили англичан и завладели всем островом. Англичане не раз тщетно пытались вновь поселиться на нем, а когда они чего-то захотят, то, как вам известно, добиваются цели, ибо упорство — самое драгоценное качество англичан. Версальский договор окончательно решил вопрос в их

пользу, но для французских семейств, которые желали остаться на Сент-Кристофере, было выговорено право сохранять свой статус, ведь эти семейства происходили от первых поселенцев и каждая семья среди своих предков имела по крайней мере одного знаменитого флибустьера — грозу Испании, могуществу которой тогда были нанесены первые и самые чувствительные удары.

— Значит, нынешние здешние французы — потомки...

— ...тех флибустьеров, которые позднее завладели Тортугой, — закончил фразу Дюкрей, — и половиной острова Санто-Доминго. Сам я — правнук небезызвестного Дюкрея, который во главе всего лишь сотни соратников овладел Гренадой и собрал с ее обитателей огромную дань. Маркиз де Ла Монтгербю — близкий родственник д'Ожерона. Барон Дюкас — потомок знаменитого флибустьера, назначенного Людовиком Четырнадцатым командующим эскадрой. Кавалер дю Плесси, барон дю Росей, граф де Шатогран и кавалер Левассер — все они потомки авантюристов, заслуживших громкую славу. Естественно, что люди, чьи предки закладывали основу владычества Франции в Америке, гордятся своей национальностью и не желают переселяться из края, откуда их деды и прадеды под предводительством Монбара отправлялись совершать великие подвиги.

— Разумеется! И Франция должна гордиться его неизменной верностью! Однако позвольте, кажется, вы упомянули в числе прочих имя графа де Шатограна?

— Действительно упомянул, — вице-консул снова дружески улыбнулся, — и могу прибавить, что оно едва ли не самое чтимое и дорогое нам во многих отношениях. Разве вы знаете графа де Шатограна?

— Откуда же, ведь я здесь в первый раз!

— Это ничего не значит. Ведь могли же вы знать отпрысков младшей ветви фамилии Шатогранов — они родом с Антигуа. Там до сих пор обитают несколько членов этого славного семейства.

— Нет, но у меня имеется рекомендательное письмо к графу Анри де Шатограну, которое дал мне перед моим отъездом из Парижа господин Н. де С. из Гваделупы.

— О! Граф Анри окажет вам самый теплый прием. И завтра же я лично представлю вас ему.

— Вы очень любезны, однако позвольте осведомиться, кто же этот граф Анри де Шатогран, чье имя вы произносите столь благоговейно?

Дюкрей снова улыбнулся и, облокотившись на стол, стал машинально вертеть в руках нож.

— Граф де Шатогран, — ответил он спустя мгновение, — натура избранная, великая душа. Таких людей природа создает, быть может, одного на сто миллионов. Прежде чем представить вас графу, скажу несколько необходимых слов о нем.

— Буду весьма обязан.

— Графу Анри де Шатограну теперь девяносто шесть лет, но до сих пор, как это ни поразительно, его высокая фигура пряма, черты лица выразительны, тонки и изящны, а взгляд необычайно живой. Его спокойное и умное лицо дышит неизъяснимой добротой, а благородные седины придают ему печать особенного величия. Несмотря на глубокую старость, граф весьма бодр: он охотится, словно сорокалетний. Усталость и болезни не имеют власти над его могучим организмом, ему дано прожить до полутора лет, если не случится чего-нибудь непредвиденного.

Духовная статья его соответствует физической. После Войны за независимость Соединенных Штатов, в которой он участвовал вместе с де Рошамбо и Лафайетом, граф последовал за бывшим своим генералом и другом во Францию. В тысяча семьсот восемьдесят девятом году ему было двадцать семь лет. Он находился в числе тех немногих дворян, которые с искренним энтузиазмом приветствовали начавшуюся эпоху возрождения былого величия Франции. Граф де Шатогран происходит из военной семьи, и, разумеется, его место было в действующих войсках. В девяносто втором году он отправился волонтером на северную границу как адъютант Пишегрю и участвовал во взятии Вейсбургской линии. В девяносто пятом году де Шатогрانا произвели в генералы, а позднее он последовал за Бонапартом в Египет. День восемнадцатого брюмера наполнил его скорбью: он понял, в какую бездну увлекает Францию слепая восторженность народа. Герой Лоди и Пирамид шел исполинскими шагами к избранной цели, и ослепленная толпа стремилась за ним с громкими рукоплесканиями. Это был уже не Бонапарт, но еще и не Август. Это был Цезарь, которому достаточно было протянуть руку к императорской короне, чтобы завладеть свободой, так дорого обошедшейся Европе.

Пробил последний час республики. Граф де Шатогран понял, что роль солдат девяносто третьего года кончена, что впредь все стремления Франции будут подавлены и поглощены славой одного человека. Граф с грустью покорился, переломил шпагу и навсегда простился с отечеством, оплакивая разлуку с Францией и судьбу страны. По возвращении на остров Сент-Кристофер он словно заключил себя в неприступную крепость, которую больше не покидал.

Таков граф де Шатогран. От каждой новой блестящей победы, которой добивалась империя, он содрогался, словно раненый лев. Исполинская мечта о воссоздании трона Карла Великого страшила его. Уже начиная с восьмьсот девятого года он предвидел год восьмьсот четырнадцатый, и его предчувствие сбылось. Он глубоко скорбел об этом, потому что за разбитым титаном видел предсмертные муки, в которых содрогалось тело Франции, изнемогающей в борьбе. И все же он остался верен своей клятве и своим убеждениям: он отверг все императорские предложения.

Узнав о революции восьмьсот сорок восьмого года, он с грустью воскликнул: «Где восторженность семьсот девяносто второго года? Правительства насильно не навяжешь, каким бы именем ни называли его. Нельзя дважды войти в одну и ту же воду. Былая трагедия оборачивается жалким фарсом». С той поры он больше ни словом не касался политических событий.

Живет граф патриархально, в окружении семьи, но взгляд его постоянно прикован к Франции, за которую он проливал кровь на двадцати полях битв и из которой сам себя добровольно изгнал, понимая, что более никогда ее не увидит.

Мы с капитаном слушали этот простой и прекрасный рассказ с глубоким сочувствием.

— Черт возьми! — вскричал Дюмон. — Да этот ваш граф де Шатогран — преславнейший человек!

— Да, — согласился Дюкрей с доброй улыбкой, — это человек великой души, способный на любую жертву, и дни свои он закончит в безвестности, вдали от отечества, для которого столько сделал.

— Неблагодарность народов — вот венец, возложенный Богом на великих граждан! — подытожил слова Дюкрея капитан.

— Однако я не скажу более ничего. Завтра вы увидите графа и сами сможете судить о нем... Господа, вот гаванские сигары. Ручаюсь, они просто превосходны.

— Еще одно слово, — сказал я, выбирая сигару.

— Я слушаю.

— Граф де Шатогран также является потомком какого-то знаменитого флибустьера...

— Знаменитейшего, быть может, из всех, потому что слава его всегда оставалась незапятнанной. Он не был жесток, как его друг Монбар Губитель, не был жаден, как Морган, не был свиреп, как Олоне. Он не был мстителен, как Красавец Лоран. Нет, сей флибустьер своими подвигами долго заставлял Испанию опасаться за свои колонии и, можно смело сказать, заслужил уважение своих врагов.

— О! Тогда я знаю его имя! — с живостью вскричал я. — В летописях флибустьерства Александра Оливье Эксмелина упоминается только один человек, который подходит к начертанному вами великолепному портрету.

— И человек этот?.. — с улыбкой спросил консул.

— Медвежонок Железная Голова!

— Ну так я вам скажу, — ответил Дюкрей, вставая, чтобы провести нас на террасу подышать свежим морским воздухом, — граф Анри де Шатогран — правнук Медвежонка Железная Голова.

Я несколько оторопел, так как на самом деле не мог и надеяться ни на что подобное.

Постель, предложенная мне Дюкреем, оказалась весьма удобной. Однако возбуждение, вызванное пережитыми эмоциями, было настолько сильно, что всю ночь напролет я не мог сомкнуть глаз. Я с нетерпением ждал минуты, когда увижу человека, величие которого было всем известно и в личности которого спустя четыре поколения воскресли благородные качества его предка.

Надо сказать, что Медвежонок Железная Голова был из старых моих любимцев. Многократно я читал и перечитывал истории из его удивительной, полной подвигов и приключений жизни, описанной в произведениях тех немногих авторов, которые посвятили свое перо великим отверженцам XVII века, прозванным себя Береговыми братьями.

Но в жадно поглощаемых мною отчетах о подвигах знаменитого авантюриста всегда оставались пробелы. Вероятно, Александр Оливье Эксмелин, писатель, который сам был действующим лицом большей части событий, с наивным простодушием

описанных им, да и другие авторы, повествующие о том же предмете, знали авантюриста, прозванного Медвежонком, только как одного из предводителей флибустьеров, тогда как остальная его жизнь оставалась для всех тайной. Нигде я не находил никаких указаний на частную жизнь человека, всегда являвшегося мне в сиянии славы. Однако должен же он был любить и страдать, как все прочие члены большой семьи, имя которой — человечество.

Именно эти пробелы я жаждал заполнить, именно этих интересных подробностей я добивался.

Кто-то сказал: «Мир считает чудом людей, в которых жена или слуга не видят ничего замечательного». Слова эти, весьма похожие на правду, подстрекали мое любопытство и заставляли меня отыскивать всеми средствами мельчайшие подробности, столь важные для изучения жизни человека, которого хочешь точно описать.

К великому моему облегчению, начало светать. Однако какого мнения был бы обо мне мой добрый хозяин, вздумай я заявиться к нему ни свет ни заря. Моя бестактная поспешность могла произвести на него дурное впечатление: нельзя же таким образом ставить человека перед необходимостью сдерживать данное слово.

Тем не менее к восьми утра мой запас терпения был полностью истощен и я сошел вниз.

Дюкрей был уже полностью одет. Он ждал меня, расхаживая с сигарой во рту взад и вперед по гостиной.

— А! — вскричал он, увидев меня. — Вот и вы! Как спалось?

— Превосходно, — с улыбкой ответил я, умолчав, разумеется, что даже не сомкнул глаз.

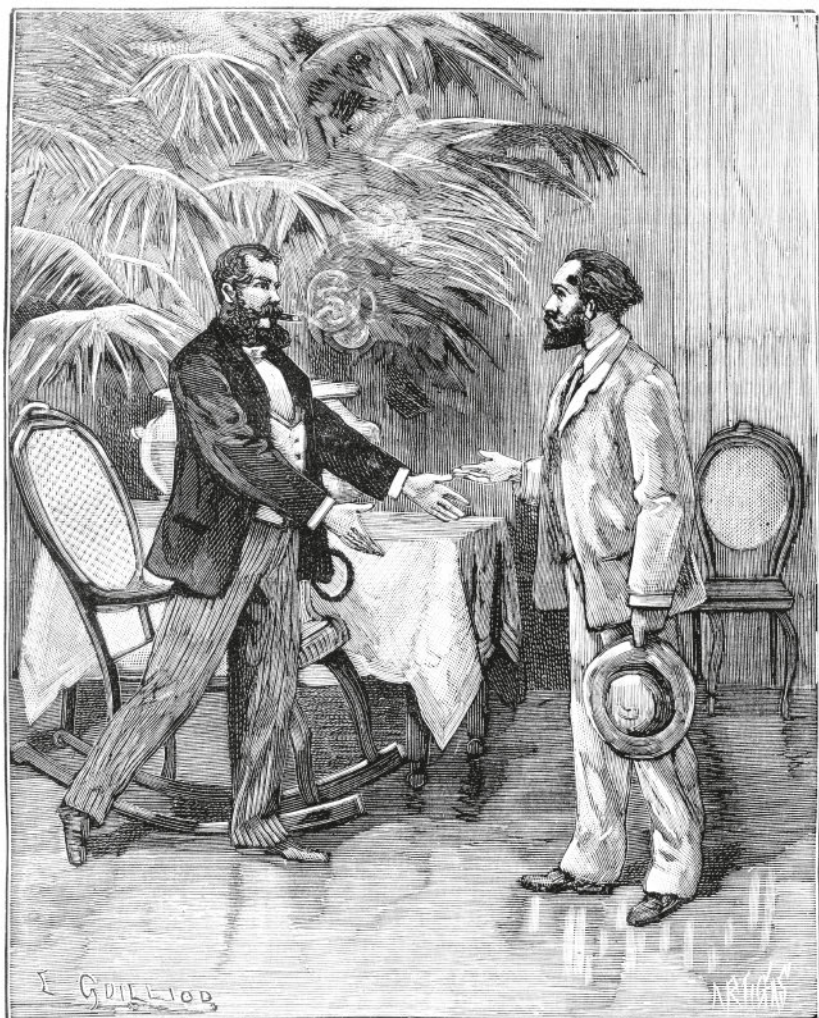
— Я на ногах с шести часов. Мои дела, связанные с ведением консульской канцелярии, на сегодня завершены. И теперь я могу посвятить вам весь день.

— Не знаю, как благодарить вас за вашу неисчерпаемую любезность, но все-таки мне совестно, что я стал причиной стольких хлопот.

— Не понимаю, о каких хлопотах идет речь, мой дорогой гость?

— Во-первых, такие ранние занятия...

Дюкрей засмеялся:

— Вы шутите! В колониях встают с зарей, чтобы воспользоваться утренней свежестью, и потому все дела делаются рано. Днем все закрыто, сиеста!

— Ну вот! — вскричал я с досадой. — Такое мое счастье!

— А в чем дело? — удивился он.

— Преглупая шутка! Представьте себе, мое нетерпение увидеть графа Анри де Шатограна было так велико, что я всю ночь

не мог заснуть ни на минуту, но не вставал из опасения потревожить вас, поднявшись с петухами.

— Вы действительно заблуждались, — заметил Дюкрей, смеясь. — Я уже сделал, вернее, помог капитану сделать заем, в котором он нуждался, и добрых полчаса назад он, смею вас уверить, весьма довольный, отправился на Песчаный мыс с деньгами в кармане.

— В этом я не сомневаюсь!

— Потом я, как уже говорил, покончил с делами в канцелярии, прошелся вдоль гавани и, кроме того, отправил к графу де Шатограну нарочного, дабы предупредить о нашем приезде: так что нас ждут к завтраку! Потом я вернулся сюда, чтобы выкурить сигару в ожидании вашего пробуждения. Надеюсь, теперь вы уже не думаете, что стеснили бы меня, спустившись раньше. Но не стоит больше говорить об этом! Лучше выпьем по рюмке старого рома, закурим по настоящей сигаре — и в путь! Нам предстоит проехать с добрых три мили.

Сказано — сделано. Через пять минут мы уже ехали, отведав превосходного вина и выкурив по не менее превосходной сигаре. Двое чернокожих слуг в ливреях следовали за нами верхом на почтительном расстоянии.

Утро было великолепное, воздух теплый, освежаемый легким ветром. Мы ехали по дороге, содержащейся в таком же порядке, как аллеи королевского парка: по сторонам ее высились роскошные тропические растения, распространявшие приятную свежесть. Скрытые листвою, прыгали с ветки на ветку и звонко пели тысячи птиц. Необычные маленькие обезьянки, которые водятся исключительно на острове Сент-Кристофер, строили нам уморительнейшие гримасы.

Эти животные, заметим мимоходом, истинный бич для колонистов. Избавиться от них невозможно, а между тем они опустошают все поля.

После трех четвертей часа езды мы достигли подножия довольно высокого утеса. На вершине его стоял дом, вернее, великолепный замок, окруженный со всех сторон, кроме той, что была обращена к морю, роскошной растительностью. Он просто-таки утопал в море зелени.

— Видите этот замок? — спросил Дюкрей.

— Разумеется! И нахожу его великолепным.

Эмар Г.

Э 54 Сокровище Картахены. Береговое братство. Морские титаны : романы / Гюстав Эмар ; пер. с фр. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 736 с. : ил. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-31351-4

Бурная, полная авантюр и приключений молодость известного французского писателя Гюстава Эмара (1818–1883) стала неиссякаемым источником вдохновения для его творчества. Он исходил полмира, плавал по морям-океанам, воевал. Двадцать лет странствий позволили будущему писателю впрок запастись захватывающими сюжетами. Он написал семьдесят романов, которые выходили гигантскими тиражами.

В настоящий том вошли три романа из цикла «Короли океана»: «Сокровище Картахены», «Береговое братство», «Морские титаны». Герои этих книг — знаменитый флибустьер Красавец Лоран и пират по прозвищу Медвежонок Железная Голова, чьи имена наводили ужас на капитанов испанских галеонов. Разумеется, здесь есть и коварные враги, и верные друзья, и хитроумные интриги, и головокружительные приключения, и, конечно, любовь.

В книге воспроизводятся иллюстрации, сделанные французскими художниками к первым изданиям этих романов.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ГЮСТАВ ЭМАР
СОКРОВИЩЕ КАРТАХЕНЫ
•
БЕРЕГОВОЕ БРАТСТВО
•
МОРСКИЕ ТИТАНЫ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова
Корректоры Наталья Бобкова, Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 01.12.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 45,08. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» –	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ –
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-MPB-40592-01-R